

Андрей Филимонов



Андрей Филимонов

# РЕЦЕПТЫ СОТВОРЕНИЯ МИРА

От Парижа до Сибири  
Через весь XX век

*роман*



РЕДАКЦИЯ  
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Издательство АСТ  
Москва

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Ф53

Оформление переплета и макет — *Владимир Мачинский*

Печатается по соглашению  
с международным литературным агентством ELKOST

**Филимонов, Андрей Викторович.**

Ф53      Рецепты сотворения мира : роман / Андрей Филимонов. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. — 315, [5] с. — (Классное чтение.)

ISBN 978-5-17-106502-7

Андрей Филимонов — писатель, поэт, журналист. В 2012 году придумал и запустил по России и Европе Передвижной поэтический фестиваль «ПлясНигде». Автор нескольких поэтических сборников и романа «Головастик и святые» (шорт-лист премий «Национальный бестселлер» и «НОС»).

«Рецепты сотворения мира» — это «сказка, основанная на реальном опыте», квест в лабиринте семейной истории, петляющей от Парижа до Сибири через весь XX век. Члены семьи — самые обычные люди: предатели и герои, эмигранты и коммунисты, жертвы репрессий и кавалеры орденов. Дядя Вася погиб в Большом театре, юнкер Володя проиграл сражение на Перекопе, юный летчик Митя во время войны крутил на Аляске роман с американкой из племени апачей, которую звали А-36... И никто из них не рассказал о своей жизни. В лучшем случае — оставил в семейном архиве несколько писем... И главный герой романа отправляется на тот берег Леты, чтобы лично пообщаться с теньями забытых предков.

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106502-7

© Андрей Филимонов  
© ООО «Издательство АСТ»

**Женский**



# 1

Я хочу рассказать о девушке на фотографии. Вы не против?

Первого марта 1939 года она зашла в ателье, где мирно спал мастер, пожилой армянин с острыми гурджиевскими бровями. Вежливо кашлянув у него над ухом, она спросила, может ли он сделать ее портрет. Протирая глаза, мастер ответил: обижаешь! Как я могу чего-то не мочь? Перед тобой сидит человек, который стоял у истоков кинематографа и повидал немало кинозвезд через глазок киноаппарата. Так вот, знаешь что? Они

все — *тьфу*, — он изобразил плевок, — по сравнению с тобой. Ты уж мне поверь. Это говорит последний из могикан, который еще понимает в искусстве. Сейчас мы вместе сделаем такое, после чего и умереть не жаль. Шедевр сделаем. Лучший портрет самой красивой девушки в городе. Одна карточка стоит пять рублей — деньги пойдут на его похороны. Садись в кресло-качалку и улыбайся, чтобы старый мастер в последний раз почувствовал себя молодым орлом. Но сначала назови имя и фамилию.

— Орлова Галина.

— Очень хорошо, — кивнул армянин, выписывая квитанцию.

Фотография, если честно, получилась не шедевр. Старик халтурил, ему надоело творить за долго до рождения Гали. Он брал деньги авансом и всех клиенток снимал в одной кокетливой позе: ножки под себя, руки за голову, локти вперед.

Семнадцатилетняя Галя очень старалась выглядеть роковой и томной. Ее высветленные кудри символизировали порыв к небесному идеалу платиновой блондинки (ПБ). Потому что блондинка — венец творения. Жить с ней и умереть



за нее мечтали герои Древней Греции и нашего времени. Когда изобрели кино, луч света в темном царстве, она стала царицей мира.

Ну, может быть, не сразу, но уж точно после краха Нью-йоркской биржи. В 1931 году на экраны вышел одноименный фильм. Земную ипостась ПБ звали Джин Харлоу. Она была первой секс-бомбой, взорвавшей мозг целому поколению. Подружка гангстеров и боксеров. Трагическая фигура. Звезда, сгоревшая на глазах всего мира, как тунгусский метеорит. Она ушла, не дожив до тридцати. Голливудские таблоиды обвиняли в ее смерти режиссера Говарда Хьюза, заставлявшего Джин травить волосы ядовитой краской. Довоенная химия была адски токсичной. Нежные почки актрисы не выдержали нагрузки. Образ убил носителя.

Но жизнь продолжалась. На арену выходили новые блондинки. И тоже работали над образом всерьез, до полной гибели. Гномьи бригады продюсеров тюкали волшебными молоточками по золотым головкам моделей, добиваясь совершенства убойной силы. В Лос-Анджелесе и Берлине, в кузнях *UFA* и *Paramount*, днем и ночью, чтобы зрители раскошелились на баттл «Золушка демократии vs Тоталитарная Брунгильда».

Кинопленка тогда хорошо горела, дымилась предчувствием мировой войны и вспыхивала как порох. Летучие мыши носились над летним кинотеатром в парке культуры. Двум девочкам было тесно на одном шаре.

Белокурая бестия на разогреве у вермахта заводила стадионы, возбуждая в мужчинах желание расширять жизненное пространство и орать, маршируя с факелом в высоко поднятой руке. Арийские режиссеры не заморачивались разнообразием, совершенствуя один образ: Лили Марлен под фонарем в Вальгалле.

Многоликая голливудская фея дарила аудитории иллюзию выбора. Что-то вроде зодиакального круга, где каждая смертная могла найти свой архетип. Не важно, с перекисью или в натуре.

Жадный Сталин, втихомолку наслаждаясь продукцией Голливуда на закрытых просмотрах, не разрешал своему народу делать то же самое. Но открытки с заокеанскими звездами контрабандой переходили границы. Тени теней синема. Привет Большому террору от Великой депрессии!

Медитируя над открытками, советские девушки подбирали себе личины. Кошечка в кудряшках.

Распутница с мордашкой ангела. Чертенюк в юбке. Роковой пупсик. И т.д. Галя была не очень похожа на Джин. Скажем так: напоминала отдаленно. Чересчур курносая по сравнению с оригиналом, она не выщипывала брови в тонкую нитку, а скулы ее выдавали затаившихся в генах татаро-монголов. Однако всё это, по большому счету, мелочи. Главное — мечта.

Снимок сделан в Иванове, городе невест, где названия улиц звучат как призывы к экстремизму. Галя выросла на улице Боевиков, в юности гуляла по Конспиративной и где-то там, в ателье болтливое армянина, потратила первую стипендию, чтобы поразить мир четырьмя копиями своей красоты. На бóльший тираж не хватило денег. Карточки получили только достойные, зарекомендовавшие себя настойчивостью.

В начале войны руки Галины добивались два летчика и поэт. Время было такое — летчики превосходили поэтов числом и умением.

Пятого декабря 1942 года ей исполнилось двадцать лет. В этот день на военном аэродроме Иваново приземлилась первая эскадрилья воздушной дивизии «Нормандия». Отличный подарок для студентки филфака.

Парни из «Нормандии» оказались такими нормальными и четкими, хоть влюбляйся в них с первого взгляда. Загорелые, улыбчивые, они светились на зимних улицах, как фонарики. Большое удобство в условиях противоздушного затемнения.

Не зная ни города, ни языка, французы первым делом освоили дорогу к общежитию пединститута и с удовольствием вокруг него прогуливались. Даже на морозе они пахли одеколоном. При встрече рассыпались в *бон суар* и *аншанте*. О войне говорили насмешливо, словно фашисты — это больные зубы, а вылет на боевое задание — как сходить к доктору и залечить кариес. Не повод откладывать свидание. *He ce na?*

Свидания назначались. Языковой барьер преодолевали со смехом. Когда высокий летчик представился Гале — *Je t'appelle César, comme Jules César*, — она сначала не поняла, о чем это он, а потом до нее дошло, что у парня такой кураж, вроде мании величия. Но ей понравилось. Скромников она не сильно жаловала. Обсуждая ухажера с подругами, звала его «мой жулик Цезарь». Или просто «мой жулик».

Тридцать первого декабря второго года войны Дом культуры ткацкой фабрики совершенно

## ЖЕНСКИЙ

офранцузился. Кавалеры сплошь шарм и шик. Барышни подпевают Эдит Пиаф. Веет ароматом парфюма, за который Коко Шанель продала душу вермахту.

Орлова танцевала с Цезарем, сладко нашептывающим, что это судьба. Ты — Галина, я — галл. Такое волшебное созвучие не может быть простым совпадением. Гитлер не навсегда. Цезари колотили германцев две тысячи лет, побьют и на этой войне. И — ах, какие у тебя глаза — серые, как небо над Ла-Маншем. Мы с тобой будем жить в свободной Франции. *Après* победы я унаследую семейное дело — рыбную лавку в Дьеппе... Вот это он зря сказал. “*Le poisson?* — удивилась Галя. — *Jamais!*” Прямо так и ответила: рыба — никогда.

## 2

Через неделю после новогоднего бала ей принесли повестку из военкомата. Явиться с вещами. Галя положила в чемодан пудру, книжки, сухари и штуку материи. Прощальный дар советской власти. В октябре сорок первого фашисты подошли к Москве вплотную и чуть не сожгли кремлевскую хату дядюшки Джо. С перепугу он вспомнил молодость и разрешил населению грабить нагребленное. Радио города Иванова, исполняя волю вождя, пригласило всех желающих на склады меланжевой фабрики — мародерствовать вволю, чтобы врагу не досталось. Той осе-

нью сообразительные невесты обзавелась приданным. Отправляясь в дорогу, каждая брала с собой материю на обмен.

По указанному в повестке адресу багровый человек, похожий на заходящее солнце, сидел в прокуренном кабинете. Он зарычал:

— Поедешь в Ташкент. Немцы разбомбили эшелон Московского авиационного института. Нужны новые третьекурсники. Срочно!

— Товарищ военком, — возразила Галя. — Я учусь на филологическом и ничего не смыслю в авиации.

— Зачетку!

Она достала зачетную книжку, уверенная, что недоразумение сейчас разрешится. Военком, не глядя, разорвал ее и бросил в корзину.

— Паспорт!

«Порвет!» — ужаснулась Галя и опять не угадала. Красномордый запер краснокожую в стол. Выписал и прихлопнул печатью проездной документ.

— На вокзал!

Вечером она села в поезд, медленный, как китайская пытка. Неделю мучительно ползли до Урала, делая одуряюще долгие остановки. Наконец в окно вагона притащился Челябинск, после которого внезапно кончилась